

АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО

Президент Республики Беларусь

НАРОД ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Из стенограммы встречи с руководителями российских СМИ

I. Об отношениях с Россией

...Мы, как между молотом и наковальней — между Россией оказались и Европейским союзом: и те нас “душат”, и эти нас “давят”. Ну, понятно, наша судьба такая, мы на перекрестке, географический центр Европы у нас. Но мы не хотим быть какой-то, знаете, разделительной полосой. Мы хотим, чтобы к нам нормально относились. И мы будем эти отношения выстраивать, не поворачивая ни на Запад, ни на Север, ни на Юг, ни на Восток. Мы вот здесь, вот наша земля.

...В России полагают, что Лукашенко заигрывал с Западом или чуть ли на Запад развернулся. Я говорю: какая чушь... Я ведь понимаю и в канун выборов, за несколько дней, сказал, что на Западе я абсолютно никому не нужен. Я идеологически для них чужой человек, они никогда меня там не примут. Я не могу их “песню” спеть... Но сегодня у нас товарооборот с Западом 48 процентов, с Россией — 45. Я это игнорировать не могу. Мы сегодня взаиморасчеты осуществляем в долларах и евро даже с Россией. Мы просили россиян: “Слушайте, давайте на российский рубль перейдем. Ну чего мы торгуем через “американца” с россиянами? Давайте мы будем у вас зарабатывать российский рубль. И этим поднимется авторитет. Вы же хотите региональной валютой сделать российский рубль. Давайте с этого начнем — будем взаиморасчеты производить в российских рублях”. Ну и что? Кудрин говорит: “Нет, в долларах”. Мы очень много теряем на этом, конвертируя российский рубль в доллар. Мы бы заработали российский рубль и рассчитались. Но в основном мы торгуем через евро, доллар. То, чего у нас нет, есть в России. Не говоря об историческом прошлом, о менталитете, о том, что мы русские люди все. Так какой идиот, будучи президентом здесь, сможет повернуть страну спиной к тому, что тебе нужно?!

...Есть какие-то настороженности, есть другие какие-то причины. Поэтому идет торможение строительства Союзного государства. Но это святое, мы всё равно к этому придем. И я очень часто об этом говорю: “Только жаль, что, наверное, не мы, а кто-то другой. А могли бы и мы. И неплохо бы было”. Что, вы верите в эти рассуждения, что белорус — это нахлебник, не умеет работать и так далее?!

...Зачем Беларуси армия? Вот я, Главнокомандующий, задаю вопрос: зачем она нам? Мы что, защититься в одиночку сможем, если против нас нач-

нут войну? Нет. Мы что, если вдруг агрессорами станем, вот диктатор сидит здесь, завтра воевать начнет, мы что, какую-то страну сможем захватить, даже малую Эстонию (Литву, Латвию), она же под НАТО сегодня? Нет. Так я это знаю лучше всех. Тогда зачем нам эта армия?! Мы сегодня 75 тысяч человек одеваем, кормим, обуваем. И российские военные, и натовцы — я читаю их отдельные “опусы” и писанину — они отмечают, натовцы, недавно я обзор читал: “Самая боеспособная и подготовленная армия на постсоветском пространстве Восточной Европы — это белорусская”. У нас самая современная система ПВО. Мы ее создавали, мы ее сберегли и приумножили. Скажите, пожалуйста, эти я вам риторический вопрос задам: а если не было бы белорусской армии, не было этого щита, как бы чувствовала себя Россия, и во что бы это обошлось? Мы как-то посчитали, когда нас начали упрекать, что мы — гиря на ногах, что мы тут, знаете, проедаем Россию и так далее. Ведь за Москвой здесь, на западе, ничего же, кроме нас, нет у России. Это же действительно так. Я не буду перечислять аэродромы и сколько самолетов у россиян, и так далее, нет. Мы выполняем эту функцию, мы создали региональную группировку сил. И то под моим давлением. Ельцин никак не шел. Это мы с Путиным договорились и создали эту региональную группировку. И с Медведевым, надо отдать должное, мы даже учения уже совместные провели, когда армии белорусские и российские участвовали как единое целое, и натовцы возбудились, когда мы учения проводили на Балтике, в Беларуси, Ашулуке (Астраханская область), Московском военном округе. Всё было поднято в самые сложные времена. Это были супермассовые учения. Это была отработка единых действий. Так кому эта армия нужна — вопрос. Ответ понятен. И я сегодня сподвигаю власти России, Президента России: “Вы посмотрите, у нас проблема здесь и здесь (есть небольшие проблемы), давайте их закроем современным российским оружием”. — “Да, это правильно, это надо сделать”. Три года сделать не можем!

Помогите нам. Нам модернизировать надо ПВО. Знаете, дело даже не в деньгах. Многие комплектующие для систем ПВО, это же машины в основном, производятся в России. Нам говорят: “Ну, вы покупайте, у нас рыночная экономика”. Так я говорю: “Ребята, мне вас защищать, и еще у вас автоматы купить, для того чтобы вас защищать?!” Это цитата, я так говорю. Но мы это делаем. Это в доказательство того, что мы несем... Я не говорю о базах российских, за которые мы ничего не получаем. И мы же их и закрыть не можем, и взорвать не можем (база о предупреждении ракетного нападения). Потому что это — безопасность наших братьев. И если бы я это сделал, то как бы русский человек на это отреагировал, если бы я взял и сказал, что, знаете, не платите, так закроем завтра?! Когда у вас при Чубайсе было веерное отключение электроэнергии, нам было нелегко, у нас тоже не хватало, но не пострадал ни один российский военный (а там их единицы, в основном там белорусы служат, на этих базах, и служат без претензий, россияне никогда претензий мне за это не предъявляли), мы ни одну базу не отключили. А вы отключали в России, потому что у вас электроэнергия не хватало. И мы это делали за свой счет. То есть мы ведем себя партнерски... плохое слово... мы просто ведем себя, как в едином государстве, боля за вас и за себя. Моя расхожая фраза. Я им по-человечески говорю, западникам, еще кому-то, кто меня критикует и внутри Беларуси: “Вы знаете, ну не могут танки через Беларусь пройти спокойно на Москву. У нас свое государство, иногда у нас искрит, но не могут”.

Я думаю, что это немало стоит. И это надо ценить. И сегодня американцы дают Лукашенко не потому, что он — диктатор, как они говорят, что демократии нет. Почему в Саудовской Аравии никто никого не давит?! Почему не дают, там же ой какая диктатура, да и в других государствах, а здесь давят?! Политика!

Меня бесит, когда вы говорите... Путин недавно сказал: “Вот мы идем на субсидирование экономики Беларуси. Наша беспощинная нефть и так далее — субсидии”. Я как бы отреагировал: если вам Единое экономическое пространство во вред и Таможенный союз, а это в рамках Единого экономического пространства, так вы не делаете это... То есть он говорит одно: благо — беспощинная нефть, но он не говорит другое, что мы субсидируем каждого россиянина, продавая за полцены продукцию, и не только сельского хозяйства, в Российскую Федерацию.

...Ваши сахаропроизводители приходят в Правительство, лоббисты, и говорят: “Ну вы посмотрите, демпингуют белорусы. Они сахар нам привозят в полцены нашего, поэтому мы не можем продать”. Так вы конкурируйте, у нас же Единое пространство. И потом, у вас что, не такие заводы, как у нас? Не такие, потому что мы модернизировали свои. А вы приватизировали, и деньги, вместо модернизации, в карман складывали, а потом пришли в Правительство и “капаете” на Лукашенко, что у него сахар дешевле.

Помню, Президентом Путин был, Фрадков приходит к Путину: “Вы понимаете, вот они тростниковый сырец покупают, производят сахар и тут у нас продают”. Так Россия же точно так – еще в большей степени – завозит сырец со всего мира (Бразилия, Куба и так далее), производит сахар. Мы же не запрещаем, продавайте на белорусском рынке. Ну ладно, они нам говорят: “Вот свекловичный сахар мы возьмем, а тростниковый – нет”. Мы производили миллион тонн свеклы. Я “именем революции” принял решение... Это революция была в сельском хозяйстве – за два года мы вышли на производство 4 миллионов тонн свеклы, увеличив производство свекловичного сахара. Почему? Потому что нам надо продать его в России, заработать деньги, заплатить за нефть, газ. Естественная торговля – мы себя обеспечивали и столько же продавали. И параллельно модернизировали свои заводы, в том числе сахароперерабатывающие заводы. Ваши сахаропроизводители увидели, что у нас сахар качественнее (кондитеры с удовольствием берут), у нас сахар дешевле, они в Правительство: ах, вот мы не можем с ними конкурировать. Нас опять начали “душить”. Это бандитизм. Так нельзя.

II. Об экспансии российских олигархов

Олигархов мы видим и знаем, и встречаемся со многими, и предлагаем им проекты. Но у нас есть условия. Допустим, приватизация – 25 условий. Соблюдайте – и приходите.

...У нас, чтобы приватизировать предприятие, первым слово должен сказать трудовой коллектив. Если только трудовой коллектив говорит “нет” – никакой приватизации, я не поставлю подпись. А я ставлю последний. У нас очень сложное законодательство по приватизации: трудовой коллектив, местные органы власти, ведомства, то есть Министерство промышленности; региональные власти должны согласиться, потому что это же их предприятие, это их интерес – налоги-то платят во все бюджеты. Они должны это всё понимать. Потом Правительство публично принимает решение и вносит Президенту для подписания. Если эта цепочка нарушена, я никогда не поставлю подпись. Почему у нас и нет обвальная приватизации. Не потому, что я, допустим, не хочу, а потому что на каком-то этапе кто-то заблокирует. Ладно, я могу властным структурам сказать: “всё, приватизируем”, они послушаются, но трудовому коллективу я этого не скажу, потому что они же меня потом упрекнут.

...Наша политика понятна. Есть определенные трудности, и немалые, но под эти трудности мы ничего не будем делать того, чего не делали до сих пор. Народ, народ, народ прежде всего.

...Мы видим людей, которые, конечно же, хотят здесь что-то урвать. И мы знаем, где они хотят урвать. Они не идут на те предприятия, которые сегодня изголодались по инвестициям, где надо вложиться, а на те, которые сегодня хорошо работают, у которых есть сырье и рынки. Так мы и сами там успешно работаем. 170 процентов рентабельности даже в тяжелом прошлом году у Белорусской калийной компании. Ну, скажите, зачем мне ее продавать? Если она станет частной, то цены на международных рынках не вырастут. По дешевке мы поставляем калийные удобрения внутри в свое сельское хозяйство. Что, частник это будет делать? Да нет. А это государственное предприятие сегодня. Недр государственные, к примеру, и они должны работать на государство.

Говорят: “Лукашенко боится частника и частной собственности – это угроза его власти”. Да будет вам... С частником гораздо проще работать, с любым частником, чем с государственным предприятием. Поэтому ничего я не боюсь. Я боюсь только одного – чтобы эти предприятия не перестали обеспечивать мало-мальски нормальную жизнь 10 миллионам человек, которые здесь живут. Вот и всё. Простая арифметика. Если это социалистическая идеология – значит, я социалист.

III. О собственности – частной и государственной

Вы что, думаете, я не понимаю, что такое “частная собственность”, что она эффективнее, чем ничья?! Только у меня понимание частной собственности другое. Приватизированная частная собственность и трудовая, созданная от пирожка (когда ты стоял и первый свой цент зарабатывал, продавая пирожки, которые выпекал дома), – это разница. То, что ты сам выстрадал, – да, она и эффективнее, наверное, будет в целом, и пользы от нее будет, и беречь ты ее будешь. А то, что ты приватизировал... Пример: Дерипаска во время кризиса куда побежал – к Путину, к государству. А почему он из собственного кармана миллиард не достал и в свои предприятия не вложил, которые он приватизировал?!

IV. О белорусском пути

... Наш белорусский путь правильный, но он очень уязвим. Очень уязвим. Это, во-первых, в силу определенных причин, исключительно экономических. А во-вторых, этот белорусский путь сегодня в мире никому не нужен. Это очень “плохой пример” (в кавычках) тем, кто строит экономику по-другому – на принципах дикого капитализма. Вот кризис, казалось бы, кое-кому многому научил – и в Германии, и в Западной Европе начали поговаривать: “Да, государство не должно было уходить даже из банковской сферы... Рыночные отношения – это хорошо, но...” И начали делать, два года делают то, что делали мы в Беларуси всегда. Мы вынуждены были это делать, и мы исходили из интересов людей, от земли шли, вырабатывая этот курс. Но американцы всегда давили: “Нет, не следует отходить от принципов рыночной экономики, прежде всего свобода”. И так далее. И опять весь Запад пошел в фарватере американской политики. К чему это может привести? К новому витку экономического кризиса. Все говорят о том, что нефти сегодня в мире предостаточно, тем не менее, цена на нее растет. Почему? Все уже не скрывая говорят, что это – открытая спекуляция. Ну так давайте пресекать эту спекуляцию.

... У меня, кроме страны, ничего нет. Я вложил в нее все свои знания и душу. И людей своих, которые рядом были, в этом плане поворачивал. И не богатые у нас чиновники (может, кто-то и богатый есть, но я таких не знаю, у нас это невозможно, чтобы чиновник бизнесом занимался), не богатые люди. Все-таки вот это, наше поколение, создавая нынешнюю Беларусь, много на это положило.

Лукашенко не сахар. Вы не думайте, что я белорусов на руках ношу. Ничего подобного. У нас контрактная система введена – от крестьянина, рабочего и до специалиста – ты должен заключить контракт. И там четкие обязательства – твои и руководителя предприятия. Но если я обязан за безработицей следить – а мы определили, чтобы она была не больше одного процента в стране, я железно это контролирую. У нас сегодня полпроцента безработных. А надо, чтобы процент был, чтобы все-таки резерв какой-то был, чтобы он подпирал тех, кто сегодня работает по принципу “шалтай-болтай”.

Вчера я ехал по Минску, а в городе практически ни одного человека на тротуарах в рабочее время. Это я видел в капиталистических странах. Работа – должны работать. И нет там какого-то зажима, диктатуры и прочее. Надо просто работать, чтобы нормально жить. Это элементарно.

Я вообще сторонник того, чтобы был порядок, чтобы каждый человек знал свое место, друг другу не мешали, не цепляли и так далее. Но я категорически не приемлю, если в обществе какой-то страх, и люди боятся говорить. Вот на кухнях, как в былые советские, какие-то там брежневские даже времена, не последние, – какой-то человек где-то хочет сказать что-то... Я это помню, я не знаю, как это при Сталине было, но при этом – люди боялись высказываться, и даже не люди, а средняя часть населения, особенно начальники, чиновники боялись. Я этого не хочу. Я хочу, чтобы люди дискутировали, чтобы шла дискуссия.

Должна быть масса разных точек зрения. Давайте подискутируем, проведем мозговую атаку, а потом примем решение.

Поэтому я абсолютный сторонник демократии нормальной. А не то что “демократия” – это чтобы перевернуть страну. И в этом направлении мы будем двигаться, в том числе и законодательно. Не знаю пока, как и когда, но,

видимо, в этой пятилетке нам еще придется делать какие-то шаги, чтобы мы действительно не зашли в тупик, сами не зашли. Я всегда об этом думаю.

... Я учился у Китая. Я до президентства был там два раза, и уже шесть или семь раз, будучи Президентом, посетил Китай. Я изучал их, начиная от свободных экономических зон. И когда я в Парламенте, это же есть в архиве сейчас, поднялся и уже перед выборами Президента сказал, когда обсуждали модель развития: “Вы знаете, нам надо учиться у Китая. Не надо ломать, не надо крошить, не надо и компартию эту гробить. Посмотрите, как они приспособляются к новому (а у нас же условия были лучше тогда в Советском Союзе – мы опередили бы Китай). Нам надо этим путем идти, не ломая ничего”. Мне сказали: “Ты еще в “банановую республику” какую-нибудь съезди и нам привези что-то”. Всё это в архивах есть. То есть я был сторонником именно этого пути. И что сейчас – два десятка лет прошло – Китай нам демонстрирует! И хорошо, что мы взяли многое у китайцев. Конечно, там специфика своя, но у них многому можно было научиться. И мы учились, ничего не ломая.

V. О сельском хозяйстве в Беларуси

... Мы начали реформу сельского хозяйства, нормальную, от земли, создавая условия для людей, построили агрогородки... Не просто нам это обошлось, дорого стоило, но мы это сделали. И налицо результат. Представьте: в советские времена и после распада Советского Союза мы не продавали сельхозпродукцию, только что-то в Москву, Ленинград поставляли. Но в прошлом году (в плохом для сельского хозяйства году, он был у нас такой же, как и у вас, только уровень развития сельского хозяйства разный) мы продали вам почти на 3 миллиарда долларов сельскохозяйственной продукции. Для Беларуси это огромная цифра. А Беларусь находится, за исключением южных областей, части южных областей, в зоне критического земледелия. У нас земледелие очень рискованное. Поэтому это тоже большой успех. И вот в основном мы село реформировали. Когда к нам приезжают губернаторы российские, у нас одна из тем переговоров – создайте нам подобное в одном хотя бы экзemplяре. И мы во многих российских городах, западной России, строим не только агрогородки (агрогородок – это маленькое звено в реформировании села), мы создаем нормальные огромные кооперативы. Ну, вы не любите колхозы, совхозы, может, это название уже устарело, но это кооператив, это тот же колхоз – коллективное хозяйство на других принципах. Мы в Венесуэле это делаем, в других странах, которые этого хотят. В центре – агрогородок, тот же машинный двор, зерноток, как мы его раньше называли, фермы, комплексы свиноводческие и комплексы по производству говядины, птицы, и так далее. Но главное – это массив земли, откуда корма (из-за границы же не будешь завозить).

Там, где мы прошли с реформой по селу, сельское хозяйство в прошлом плохом году дало около трёх процентов рентабельности без дотаций. Значит, село может жить. И цены у нас на природный газ, а в прошлом году на нефть и нефтепродукты, вообще были заоблачными, несравнимы с вашими. У вас цены, допустим, 70–90 долларов природный газ, а у нас – 230. Сегодня Вы продаете нам природный газ дороже, чем Германии, хотя мы на две с лишним тысячи километров ближе, чем Германия...

Поэтому мы вынуждены были выкручиваться и обеспечивать свою продовольственную безопасность. Мы ее обеспечили.

VI. О сельском хозяйстве в России

... У вас будущий год в плане продовольствия будет сложнее, чем страшный прошлый год. Почему? Потому что – грядут последствия. Сельское хозяйство это же не промышленность, где сегодня гайку не выточил – завтра две сделаешь. Если вы вырезали поголовье (кормить нечем было маточное), то для того, чтобы вырастить корову, надо три-пять лет. Если вы недополучили хороших семян, то вы их уже зимой не получите. Их у вас не будет – вам надо купить. А какие это будут семена? Ну, и многое-многое другое. И когда село недополучило в прошлом году... На дотациях сидело, денег нет, и вы удобрения сегодня не купите и не внесете – у вас урожая не будет. И не на один год. То есть последствия растянуты на несколько лет. Но самое главное –

у вас нет вот этой идеологии, чтобы это преодолеть быстро, что это главное. Главное – нефть, газ. То есть мышление немного другое в силу объективных причин, я не хочу тут никого упрекать. Но, тем не менее, перестраиваться надо. Россия продовольственную безопасность обязана обеспечить. Если она не обеспечит, ее голыми руками, как Советский Союз, возьмут.

50 миллиардов долларов на импорт продовольствия! Это, даже для России, очень много – это весь ваш Фонд национального возрождения (50 миллиардов, мне Владимир Владимирович рассказывал, сколько в фонде за один год). Выкидывать такие деньги, имея такое огромное пространство и столько земли, где можно производить то, что Беларуси не снилось, это тоже плохо.

Когда у вас разразилась эта беда, у нас Беларусь была наполовину разрезана – на восточную и западную: весь восток душила жара, точно такая, как в Подмоскovie, как в центре России, как в Ростове, а вторую половину заливало. Вот хотелось бы как-то перемешать, но так Господь определил. Нам удалось проскочить – у нас не было ни одного пожара в лесах. Мы модернизировали лесное хозяйство, усилив функции наблюдения, сбережения, возобновления, восстановления лесов. У нас вся страна покрыта вышками, лесные массивы наблюдаются – беспилотники мы мобилизовали из армии, МЧС, вертолеты. И леса огромные массивы, как в России. Видим задымление – мы сразу десант туда из вертолетов, и они очаги эти тушили. Мы почти месяц летали над страной, чтобы не дать возможностей возгоранию...

Что касается сельского хозяйства. Первыми к нам приехали из Татарстана люди. Премьер-министру, я его давно знаю, говорю: “Ну, пойдём, поговорим”. – “Александр Григорьевич, спасите. Ни картошки, ничего нет. Нам и солома нужна, и всё”. Я говорю: “Ты называй объёмы, сколько надо”. Мы полностью удовлетворили потребности республики в картофеле. Потом ленинградцы приехали. На поле приезжаем, мне фермер говорит: “Вот, Александр Григорьевич, картошка красивая, мы эту – в Ленинград (такая кожура розоватая), а эту – в Москву (белая кожура)”. Я говорю: “Почему?” – “А вот ленинградцы не хотят с белой кожурой”. Я говорю: “Есть нечего, а они не хотят...” – “Да, такую заказали” – “У нас есть?” – “Есть”. – “Ну так отдай им, пусть”. Нам доллар за килограмм картофеля платили. Туда привозили и за 2–2,5 продавали. Но мы отдали всё, кроме семян и запаса, который нам нужен был на зиму, всё отдали, как никогда. И на этот год со многими договорились. Семена заготовили. Потому что если нет картошки, то и семян же нет, а сеять надо. Да и не только картошка, но и капуста, морковь, овощи все, молочные, мясные продукты. Мы обрезали контракты с другими государствами, даже с Венесуэлой, для того чтобы помочь России. И сейчас 80 процентов всего экспорта продовольствия мы поставляем в Россию. Это в прошлом году так было, и в этом. По-моему, 80 процентов, даже чуть больше. Конечно, мы готовы помочь, во-первых. А во-вторых, нам надо торговать с вами, потому что нечем же платить будет за газ и нефть (цены еще в два раза подскочили). Это же всё недешево.

VII. О СМИ

Я за объективность. Поверьте, я никогда чрезмерно не перебирал в средствах массовой информации, защищая себя и свою власть. Это маленькая толика была в моем имидже, в моем поведении, в моей политике. Да, я осуществляю власть, я не держу ее растопыренными пальцами, упаси Господь. Дедушка Ленин как нас учил: власть тогда чего-то стоит, если она умеет защищаться. И это правильно. Про меня говорят: “Вот, он тут сел... и узурпировал власть”. Подождите, ребята, что значит “я узурпировал власть”? Меня народ для чего избрал – для того, чтобы я, извините меня, сопли распустивши, сидел и смотрел, как страну перевернут?! Так у нас было... Главная причина того, что произошло в распаде Советского Союза – у нас не было сильного, волевого человека, который бы осуществлял свою функцию по Конституции. Ведь на моих глазах Беловежская пуца была. Говорят, что уже поздно было. Я бы очень определенно поступил – я никого бы не бил, разбросал бы егозу (или как она называется? эта колючая проволока, через которую не перепрыгнешь)... всё, пейте, отдыхайте, гуляйте, даже спецсвязь не отключил бы. Звоните старшему Бушу, туда звоните, куда хотите. Всё демократично. Сидите там. Как бы народ отреагировал? Аплодисментами. Но этого

Горбачёв не сделал. Ты — глава государства был, у тебя Конституция на столе лежала, и дай Бог какая, действуй по Конституции!

... На следующий день после президентских выборов я даю пресс-конференцию, “Евроньюс” ко мне подходит: “Надо взять у Вас интервью, прямая связь с Францией”. Я говорю: “Я буду с вами разговаривать, если вы скажете правду, как это было. Вот картинка, вы тоже снимали”. Согласились. Там парень, который в Беларуси когда-то работал, задает мне вопросы (в их ключе, конечно): “Что, Вы не хотите, чтобы вас Европа признала?” И так далее, как ему поручено было. Я говорю: “Да, мы хотим. По событиям, — я говорю, — покажите правду, покажите хоть элемент”. И они в этот момент, когда я даю интервью, заводят картинку этих погромов — когда “бомбят” Дом Правительства, буквально несколько секунд. И потом они два раза успели опять интервью со мной прокрутить с этой картинкой. Потом очнулось руководство. И всё, вот эту часть вырезали. Почему не хотите правду показать? Да, Лукашенко плохо поступил, что он защитил Дом Правительства, что он разогнал людей, что он 640 человек арестовал, что туда попали экс-кандидаты. Это точка зрения, она имеет право на жизнь. Может, я и неправильно поступил, но я считаю, что поступил правильно, потому что есть Конституция, есть Закон. А они считают, что неправильно. Но покажите альтернативную точку зрения и скажите, что Лукашенко разогнал этих людей, а некоторых задержал (такое-то количество), когда они пошли штурмом и громили Дом Правительства. Вот это скажите. Этого же нет. “Лукашенко... 50 тысяч вышло противников, испугался, поэтому он там чуть ли не танки применил”, и так далее, и тому подобное. Почему это делается, потому что здесь средство массовой информации выступает как оружие или орудие борьбы. Что, не так? Так! Я против этого. Понимаете, я против этого. И если мы где-то даже, белорусские СМИ, ошибаемся и перебираем слишком своей государственности, это потому что мы пытаемся отбиться и защититься.

VIII. О “миллиардах Лукашенко”

Вот писали, что у меня... то ли 7, то ли 11 миллиардов украденных денег... Годовой бюджет страны 17 миллиардов. Как 11 миллиардов в Беларуси можно уворовать? Недавно “Форбс” опубликовал рейтинг миллиардеров. Где Лукашенко? Там и полтора миллиарда есть, и миллиард, а почему меня нет с 11 миллиардами?! Мне обидно стало: где мои деньги? Вот время и показало, кто ворует. Они сами признали, что это вранье. Они просто вбросили эту информацию перед выборами. Начни я оправдываться, народ бы подумал: слушай, оправдывается, что-то, наверное, не то. Хотя, конечно, я надеюсь, что процентов 95 в Беларуси считают, что Лукашенко не вор.

Вы знаете, почему я не могу себя отрезать от народа, воровать и делать то, чего не хочет народ? Когда был второй тур выборов в середине 90-х, мне рассказали, как в деревнях, в селах, в городах голосовали некоторые люди... Я читаю вот сейчас эти сообщения, у меня в архиве есть, у меня слезы выступают на глазах. Люди годами лежали в постели — встанет, сядет. Много таких. И приезжали дети (тогда можно было еще — он мог взять паспорт и проголосовать за отца или за родственника), он вставал и просил, не доверяя сыну и дочери: “Ты меня, сынок, отведи на участок, я за Лукашенко пойду голосовать”. — “Мы сами, давай паспорт. В селе все знают. Проголосуем, или к тебе приедут”. — “Нет, я пойду за него голосовать, обманут”. Понимаете, люди валом шли, люди, даже годами лежавшие в постели. Вы понимаете, что вот это предать нельзя. Если есть Бог на свете, он же накажет, он же накажет потом. И я считаю, что, если в этой ситуации: ты не должен быть Президентом, но вдруг сошлось и тебя избрали, ты должен жертвовать собой. Может, я не прав, может, так никто не мыслит из моих коллег, но я считаю так. Поэтому я никогда не сделаю то, когда народ, вот этот старик или старуха, сядут и скажут: “Слушай, а мы же ему верили, а он вот такой оказался”. Это для меня — гибель!

IX. Об отношении к истории

Я историк по своему первому образованию, и мое понимание истории такое — да, личность важна, но ведь не только личность. Сталин, Жуков, еще кто-то — да, они люди заслуженные абсолютно. Вообще в Беларуси о Стали-

не не принято плохо говорить, потому что не было бы Сталина, так граница под Минском до сих пор была бы. Как бы там ни было, но он ее отодвинул на те рубежи, где и должна быть граница Беларуси с Польшей, Украиной. Ну и вообще, я категорически предостерегаю наших людей от того, чтобы мы бросали камни в историю. Камень бросишь, знаете, а она потом начинает из пушек стрелять. Я это помню. Но, тем не менее, ведь миллионы людей погибли. И не всё так везде было хорошо. И о погибших людях, и о простых людях-героях тоже надо знать. И великие люди не должны затмить этот народный подвиг.

Х. О народной дипломатии

Что касается народной дипломатии. Вы говорите “сохранится – не сохранится”. Ну, это самого себя зарезать. А что у меня останется, какие нити, ниточки, дорожки, пути останутся, которые связывают нас с Россией? В основном – народная дипломатия, регионы. Поэтому чего же я буду рубить тот сук, на котором фактически сидим?! Мы хотим, чтобы вы знали о том, что происходит в Беларуси. Мы очень этого хотим. И вы знаете, это же ведь и экономическая проблема – настроения людей, отношения, знание того, что Беларусь никуда не ушла, она там, где была, там и есть, что никакого тут американского, западного и прочего какого-то влияния нет, что здесь русский дух.